

Классика против современности

Бенефис Дианы Вишневой в Мариинском театре

Ирина Губская
Санкт-Петербург

Диана Вишнева отметила десятилетие творческой деятельности. По этому поводу в Мариинском театре показали «Жизель», а напротив, в Театре консерватории, – вечер современной хореографии.

Она словно отмечена поцелуем феи. Начиная с «Дон Кихота» десятилетней давности, где обаяние юности придавало особый шарм танцевальному фейерверку, и сейчас, признанной примадонной балета. Ее спектакли – упоение танцем и упоенный восторг зрительного зала. Имидж черноглазой Карменситы надолго приклеился к Вишневой, хотя почти с самого начала рядом с победной страстью Кармен и феерическим «Дон Кихотом» были прозрачные «Видение розы», лирический первый дуэт балета «В ночи», трагическая Джульетта. Тема одиночества личности и сифиды. Безупречность Баланчина в третьей части «Симфонии до мажор». Странная Польша в «Корсаре», напроць перечеркнувшая стремление навязать ей амплуа инженю.

С самого начала карьеры в ней была какая-то нетипичная для «вечно зеленого» искусства балета зрелость. Наверное, такую печать накладывает профессионализм. Вишнева не способна пребывать вещью в себе, вокруг нее всегда существует поле спектакля. Она равно органична в системе спектакля и в инструментальном танце. Ее Терпсихора не конструирует танцевальный рисунок, а проживает баланчинскую графику как живую ткань, «Рубины» обозначают темпы развития компьютерных технологий в танце. Этикетные партии овены свежим ветерком праздничного темперамента. К юбилею у мариинской примы накопился вну-

шительный артистический багаж: лауреатств, титулов, премий и наград; центральные партии в разноплановых балетах и у несхожих хореографов. Сумасшедшей интенсивности гастрольный график.

Но вот с юбилеем балерине повезло меньше, чем в карьере. Накладки начались с «Жизели». Похоже, спектакль возник как вынужденная мера: подготовить что-либо новое или менее привычное не было времени ни у театра, ни у балерины. Да еще и выписанный из-за границы партнер не появился. Официальная версия: заболел. Бывает. Выручал Андриан Фадеев. Спектакль прошел на редкость слаженно. Кордебалет был в настроении, а исполнители остальных партий усердно несли груз

То есть оба сделали все, что могут сделать блестящие танцовщики и талантливые артисты сами по себе. Но даже такой балерине необходим взгляд со стороны, грамотный и доброжелательный постоянный репетитор. Вишнева выглядела так, словно устала или наслушалась неудачных советов: чрезмерная аффектация драматической игры, преувеличенно пафосная пантомима. И манеры не из романтического балета. Получилось, что именно в юбилейных выступлениях артистку подвела удивительная способность отыскивать в любой постановке свое направление, свою трактовку. Впрочем, сложно одновременно исполнять классический спектакль и то, что относится к ряду современной хореографии,

Кононова даже поставили декорации. Другое дело, что «далеко в притонах Сан-Франциско» и Вишнева, и ее партнер Игорь Колб казались чужаками. Похоже, номер ставился не для них, а ради постановщика. Оставленный «на сладкое» бежаровский шедевр Вишнева и Колб станцевали безупречно. Но сработал тот же эффект размытости, что в «Steptext»'е. Свою хореографию для исполнения Вишневой сегодня готов предоставить, кажется, любой балетмейстер. Но вот сочинить специально для нее, похоже, кроме тусовщика Кононова некому.

Героиня события пригласила в концерт сильных исполнителей. И не в этом фоне причина того, что сама уникальная артистка выглядела не центром, а его рядовой участницей. Танцовщики из Мариинки, Большого театра и балета Эйфмана поддержали заданную ею высокую планку. Майя Думченко была ожидаемо хороша в хореографии Роббинса и Бежара. Вера Арбузова и Альберт Галичанин порадовали поклонников Эйфмана. Светлана Лункина и Дмитрий Гуданов приехали с такой редкостью, как «Паганини» Леонида Лавровского. Похоже, артисты отнеслись к юбилею сочувственно, чего не скажешь об организаторах. Очень заметно отсутствие в театре практики подобных событий. И вечная спешка и усталость. Поэтому и юбилей прима-балерины получился на бегу, мимоходом. Праздник состоялся, и не прошел он разве только по «гамбургскому счету» творческого отчета самой Дианы Вишневой.

Десять лет в балете – это кульминация. Но оказалось, что этой точкой до сих пор осталась Кармен, сочиненная для юной Дианы Игорем Бельским.

Ирина Губская – балетный критик.

Десять лет в балете – это кульминация

ответственности. Но до идеального, каковым балет мог быть у Вишневой и Фадеева, да еще по такому поводу, недотянул: шел заторможенно и не без накладок. Первый акт оказался весь под знаком предстоящего безумия – Жизель изначально была на грани, это хрупкое равновесие ничего не стоило нарушить. Так, полураспущенные волосы к сцене сумасшествия превращались в сваленные сосульки. Жизель была легкой – но не как девочка-резвушка, а как воздушное ирреальное создание. Во втором акте обвисшие на руках тряпочки и прозаичная ткань, утяжелившая традиционно газовую юбку, смикшировали легкость движений и четкость рисунка танца. Танцевально и актерски дуэт вопреки обыкновению не блистал.

которая составила альтернативную программу – концерт в Театре консерватории.

Здесь была представлена хореография от Лавровского, Роббинса и Бежара до Симонова и Кононова. «Steptext» Форсайта Диана Вишнева исполняет как реванш за отобранную премьеру. Но через год балет отшлифовался в мариинской манере – труппа прежде всего классическая – и словно подернулся тинной. Или скелет оброс живым телом – оценка зависит от отношения к этой хореографии. Остальная программа состояла из одних дуэтов, что довольно однообразно. Вишнева исполняла «Золушку», «Бахти» и «Чувство луны». Выдернутый из спектакля Ратманского дуэт выглядел сиротливо. Зато для сочинения